

Однажды тиран умирает

И стремительно меняется все. И нужное обращается ненужным, незыблемое — еще как зыблемым. Истории стройки 501/503

Весна 53-го в Ермаково. Ссылные, вольнонаемные и вольные. Справа И. Алферова. Фото: сборник Стройка № 503 (из архива В.Пуге)

10:11, 25 июня 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Всю оставшуюся после заключения жизнь — а вся она была еще впереди — он помнил, как с напарником вызвался ночью ехать в тайгу искать коней: медведь разогнал табун. «В полной темени мы наехали на капитальный пустой ОЛП (отдельный лагпункт), где и решили переждать до рассвета. Там меня спасла лошадь — захрапела и вздернула уши: в нескольких метрах за мной крался беглец с топором. Потом он лежал у вахты для устрашения — его взяли собаки. На поясе висели обугленные тельца бурундучков — он их ел...»

Сновский и Тощев

Александр Альбертович Сновский (1928–2020) и его «патологическая» память: «Я могу навскидку перечислить всех врачей Игарки, и вольных, и заключенных, всех врачей по трассе Игарка–Ермаково, могу назвать нарядчиков, воров в законе — кого хотите. Могу показать на плане, где были все бараки, где БУР, где ЗУР, СКБ, где почта, где были артисты, где жил я. Вокруг меня были замечательные люди — врачи, инженеры СКБ, артисты — люди с высшим образованием, состоявшиеся люди. Мой удел был — только общие работы, общий барак. Для меня, выдернутого из студенческой среды, это и были годы моей учебы, школа жизни, мои университеты. Для кого-то это звучит банально, для меня же в этом звучит вся моя последующая жизнь».

10 лет лагерей ему дали в 1949-м, основным поводом стали показания сокурсника о том, что Сновский сказал ему: «Депутаты ничего не решают, а являются лишь пешками».

А.А. Сновский. Фото: Таймырский краеведческий музей

В 20 лет арестован, 21 год ему исполнился на красноярской пересылке. В 27 он, коренной ленинградец, вернулся на берега Невы: освобожден не по реабилитации — сократил срок зачетами на **строительстве** железной дороги Салехард — Игарка. 3,5 года скостил!

И вспоминал пройденные лагеря без проклятий. Несмотря на затылок, чувствующий зэка с топором, несмотря на десятки, сотни подобных эпизодов.

Их из него вытаскивал Тощев, сделав, как и должно, общим достоянием.

Александр Игоревич Тощев (1957–2016). В благодарственных письмах и грамотах отчество писали иначе (наверное, как в документах): Игорьевич. Игаркович — такое отчество, третье и заслуженное, он получил от местного народа.

Ученый, исследователь, журналист и писатель, организатор

Тощев вписывал Игарку в мировую культуру, как Арсеньев с «Дерсу Узала» вписал в нее Дальний Восток, Распутин — судьбу Ангары и ангарцев. Ну или как Гомер и Шлиман — Трою, а Маркес — Латинскую Америку. И если это и преувеличение, то небольшое. Просто Игарка компактней и скромней, а Тощев рано умер — в 59 лет, многого не доделал.

Работал в уникальном игарском Музее вечной мерзлоты. Директорствовала там его жена Мария Мишечкина. Оба — выпускники ленинградского журфака 1979 года. По распределению Тощев попал на игарскую студию телевидения. Затем виражи в биографии: 1981–1983 годы — второй секретарь игарского горкома комсомола. 1983–1985 годы — дворник-сторож детсада «Золотой ключик». Между этими записями — конфликт молодого секретаря горкома с кабинетными старожилами; Тощева забирают в армию, следом на обследование в краевой психдиспансер, откуда он выходит через несколько месяцев с меткой «обостренное чувство справедливости» (так там до сих пор [помечают](#)), из-за чего, вернувшись в Игарку, долго не мог найти работу.

А.И. Тощев. Фото из архива его семьи

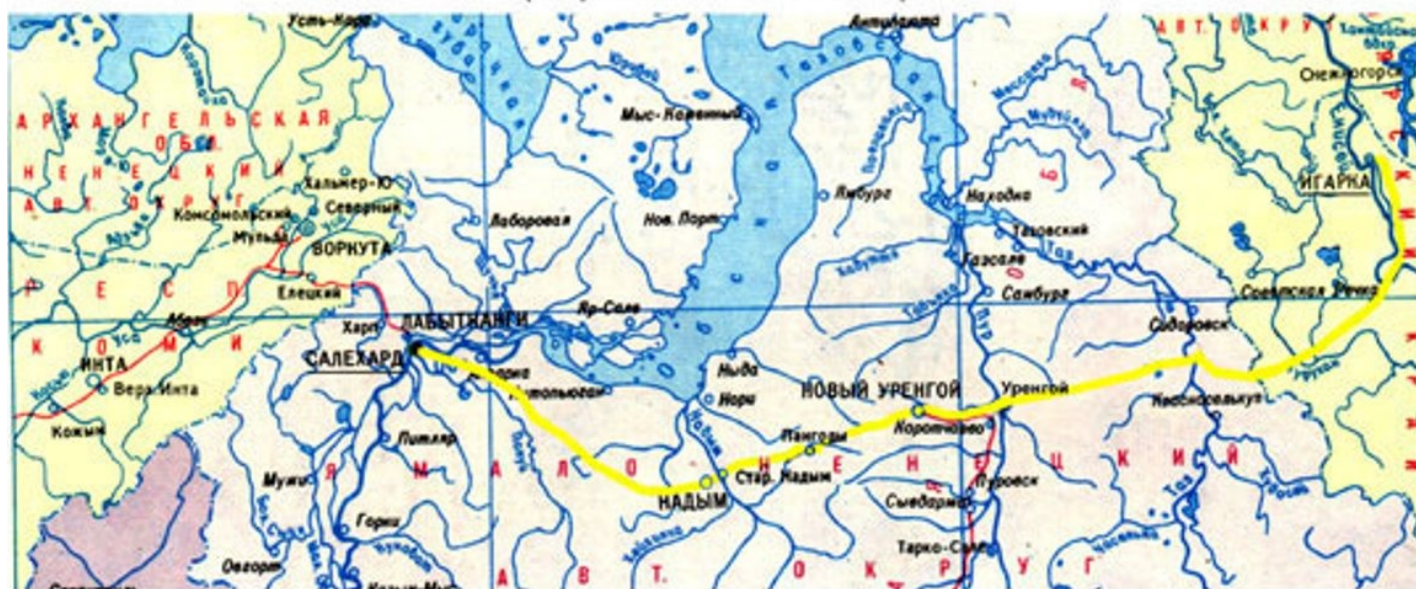
«С Александром Игоревичем у нас были особые отношения, мне как молодому психиатру по настоянию горкома партии пришлось исследовать его личностные особенности, — **напишет** потом в соцсетях и уже из Херсона врач, с кем, оказывается, они подружились и переписывались до самого конца дней Тощева. — Это было обусловлено его особым мнением на некоторые городские проблемы и состояние дел в городском комсомоле. Уже тогда он вызвал большую симпатию, был очень тактичен и откровенен. Дальнейшее многолетнее общение только укрепило чувство уважения и какой-то трепетности от его донкихотства. Вечная светлая память. Июнь 2016 г.».

Дорогу тянули с двух концов. С западного, с Полярного Урала, из низовьев Оби, — 501-е строительство. С востока, от Енисея, — 503-е. Тощев и Мишечкина сделали для увековечивания памяти о 503-й больше кого бы то ни было (о 501-й — Вадим Гриценко и

его двухтомник). Алексей Бабий, председатель красноярского «Мемориала»*: «Та работа, которую Тощев проделал вместе с Мишечкиной по 503-й стройке, — поражает. По сути, их трехтомник — наиболее полный научный труд об этом лагере».

КАРТА-СХЕМА строившейся в 1947-53 гг. железной дороги САЛЕХАРД – ИГАРКА

(Стройка № 501-503)

— Линия приполярной трассы стратегического назначения

Планировавшаяся трасса. Фото: сборник Стройка № 503

Первый сборник о мертвой дороге игарский Музей вечной мерзлоты выпустил в 2000 году — на президентский грант. Подписали в печать 25 апреля, за две недели до первой инаугурации Владимира Путина. В этой книге свидетельств Сновского еще нет, появятся они во втором томе. Его издадут на грант фонда Михаила Прохорова. И снова успеют: сразу после этого Прохоров отойдет от богатого Норильска, поддерживавшего в своей орбите Игарку, — продаст свой пакет «Норникеля» Дерипаске.

Все цитаты и основные фото строителей дороги даны здесь по этим игарским сборникам. Они также оцифрованы и [представлены](#) на сайте красноярского «Мемориала».

Сновский говорил Тощеву, что информации в его голове еще на

несколько сборников. Они подготовили и выпустили третий, начали делать четвертый — хоть времена и менялись уже вполне ощутимо.

Сновский звонил в музей, Мишечкиной, надеясь, что четвертый сборник увидит свет, **написал** о Тощеве так: «В последнюю встречу он меня обнял и поцеловал. Я был удивлен таким проявлением чувств. У нас, северян, это было не принято. А ведь он предвидел скорую свою кончину и прощался... Я не избалован общением, понимаете, вокруг меня уже все умерли. Вы подумайте только, с 503-й стройки я остался один. Вы только подумайте, а было примерно 70–90 тысяч заключенных. Вдумайтесь в эту цифру».

Ермаково. Экспедиция Новой газеты 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

11 тонн пудры и детской присыпки

Во всей тягостной, убийственной бессмыслице строительства

501/503 проступает декан Свифт, «Гулливер»; «...я увидел ученого, пытавшегося превратить лед в порох путем пережигания его на сильном огне». И Тоцев задавался множеством вопросов. О начале строительства дороги по пятнистой лесотундре из ниоткуда в никуда — зачем? Тем более в тяжелейшее послевоенное время. О бесславном завершении — зачем, почти достроив? Наверняка какие-то версии в голове он держал. Но со мной ими не делился — старался держаться исключительно фактов.

И у меня версий хватает. Но тоже — только факты. Их можно выстроить, например, в такой ряд.

Годы секретной стройки — 1947–1953 — совпадают с годами кампании против «безродного космополитизма». По сути, государственного антисемитизма — особенно с 1948-го (когда врач Лидия Тимашук на основании ЭКГ диагностировала у Жданова инфаркт) и далее, нарастающим итогом, к январю 1953-го (когда власти сообщили об аресте террористической группы врачей) и марту 53-го, смерти Сталина. Врачам инкриминировали заговор и убийство ряда советских лидеров, связь с международной еврейской буржуазно-националистической организацией, созданной, в свою очередь, американской разведкой. Тогда же — убийство Михоэlsa, дело Еврейского антифашистского комитета, расстрелы в его рамках. Тогда же дело о сионистском заговоре в МГБ, дело Абакумова.

А.И. Тощев в игарском музее, 2008 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Тощев **отмечал**, что при всем интернационале на строительстве «более нигде, как только на 503-й, вы не найдете столько представителей многострадального еврейства. От начальников разного ранга, инженеров, врачей и интендантов до прорабов, простых бухгалтеров и учетчиков, чертежников и завхозов. Они бежали в глушь, в тайгу и тундру, подальше от столиц и всевидящего и всененавидящего ока Кормчего...».

Из свидетельств Вальтера Эрвиновича Руге (1915–2011). Сын немецкого антифашиста, сотрудника Коминтерна. Арестован в 1941-м, 10 лет ИТЛ. Омск, потом 503-я. По окончании срока (работал фельдшером) оставался в Ермаково ссылкой, женился на ссылке Ирине Андреевне Алферовой, работал инженером на электростанции. Впоследствии с женой и ее матерью уехал в Германию. Воспоминания записаны в Потсдаме в 1998-м.

Вальтер Руге и его жена Ирина Алферова после ЗАГСА в Игарке, 1954 год. Фото: сборник «Стройка № 503»

— Итак, я, беспартийный спецпереселенец, посещал регулярно этот парткабинет, и капитан принимал меня дружелюбно. Кабинет имел большую и единственную в поселке библиотеку — для меня находка. Мы даже обменивались с капитаном (фамилию, к сожалению, не помню) информацией о прочитанном, так как среди взятых мною книг было много на политические темы. Например, о Розе Люксембург. Когда в январе 1953 года сообщили об аресте кремлевских врачей, он был потрясен, и мы стали еще ближе друг к другу — он был евреем. Между прочим, так случилось и с другими евреями из начальства, с этого момента они поняли, видимо, как легко стать «нашими коллегами».

<...> Строительство сводилось к тому, что в зимние месяцы, когда северная почва замерзала глубоко, проводились земляные работы, отсыпка насыпи и прокладка полотна. В летнее время полотно оседало в болото, и приходилось насыпь укреплять.

Наш вождь и корифей реального положения, разумеется, не знал, он судил по рапортам. Заключение работали без устали, ведь на спецстройке № 503 снабжение и довольствие было лучше обычного. Но и «гении» не вечно живут, наш умер 5 марта 1953 года. Биологические процессы не всегда разрешают важные проблемы, но изменения в жизнь вносят. <...>

Ермаково. Останки мертвой дороги. Экспедиция «Новой газеты» 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Евреи были по обе стороны, причем и на общих работах, да еще и сами просились, как тот же Сновский (чтоб день шел за три). Вот он рассказывает, как ушел из фельдшеро́в, но не рассчитал и вскоре попал в штрафную колонну:

— Меня дали бригадиру — Петер Добровольский, из немцев Поволжья. Он был ефрейтором немецкой армии. Вся бригада — 25: латышский дивизион немецкой армии, вы знаете, такой был (та же СС), и немцы из Поволжья. Немцы, которые не служили у фашистов, получали 10 лет. У меня были такие друзья. А вот

немцы Поволжья, которые служили в немецкой армии, они только 25 лет получали. Так вот в этой бригаде у всех были срока 25, у одного меня — 10.

Меня этот Добровольский начал ставить все время на плохую работу. Вот карьер уже выработанный — он меня ставит на голом месте, где грузовики все укатали. Ну нету там грунта! Мучаюсь я. Все отдыхают, а я грунт накайливаю. Говорю:

— Петр, переставь на другую работу. Больше уже не могу.

— Работай, где я тебя поставил.

— Почему?

— А потому что ты еврей.

Этот разговор был в бараке, уже после работы.

Вы знаете, это не было трусостью — я был так ошарашен, что не вспылел. А у меня уже лагерный гонор был. Я уже избил вора в законе. Я промолчал — вокруг были одни латыши и немцы. Понимаете? Никакой поддержки. Один. Ну что один, что?! А если они кинутся ему помогать? Я промолчал.

Еще проходит недели две-три. Я уже доходить начал. Я уже пришел в отчаянье. Наточил штыковую лопату сбоку. Подхожу к нему:

— Петр, я дохожу. Переставь на другую работу.

— Ну так подыхай. — Я дословно все запомнил. Я говорю:

— Хорошо. Но только вместе! Я поймаю свой момент, и я тебе развалю череп лопатой. Никакие шестерки тебя не спасут. Я свой момент поймаю.

— Ты меня не пугай!

— Что ты! Я тебя предупреждаю!

Вы знаете, наверное, было сказано это мною с таким чувством... Во всяком случае, звучало достоверно. Назавтра он меня передал в бригаду, которая била шурфы под взрывы в этом карьере.

Новым бригадиром стал для меня Криштапов. В этой бригаде десятилетники были. Что мы делали? На кострах мы калили ломы. <...>

Ермаково. Останки кипевшей жизни. Экспедиция «Новой газеты» 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В самом начале 90-х коллега Валерий Ярославцев, создатель и редактор красноярских сборников «Полярные горизонты», сам участник полярных экспедиций, принес мне неизвестную рукопись легендарного Роберта Штильмарка — он сидел

именно здесь и тоже строил мертвую магистраль. То был роман-хроника «Горсть света», а передал его и прокомментировал Феликс Робертович, сын. Ярославцев потом и опубликует впервые эти фрагменты в «Полярных горизонтах». Помню эпизод с фантастическими слухами 1952 года среди эков — для кого они воздвигают поселки вдоль Приполярной железки. С яслями, детсадами, школами.

Была версия об инвалидах войны. Была версия о договоренности Сталина и Мао: в бедную населением Сибирь перевезут не то три, не то тридцать миллионов китайцев — совместно с русскими осваивать ресурсы. И была версия, что все это строительство — для евреев из обеих столиц России, «пятой колонны Израиля».

В «Горсти света» Штильмарк не фантазировал. Описывал реальность день за днем.

Ермаково. Экспедиция «Новой газеты» 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Дальнейшее известно. Сталин вдруг умирает. Ни «делу врачей» не был дан ход, ни достройке магистрали. Докторов освобождают, восстанавливают на работе и реабилитируют. А дорогу просто бросают, зэков увозят.

Уже проложены 911 км трассы из 1263 запланированных, построены десятки мостов. До встречи 501-й и 503-й оставался участок посередине, Пур-Тазовское междуречье, и еще немного. Это год-два жизни Сталина. И будь они у него — что произошло бы в зиму на 1955-й?

Окончание строительства оценивали в сумму от 700 до 800 млн рублей. Ликвидацию строительства и консервацию — в 600–700 млн. Выбрали второе. (В целом на строительство железной дороги, содержание лагерей и инфраструктуры ушло свыше 42 млрд рублей. Цифры — от Тощева.)

Одна из главных загадок из прошлого советского века так или иначе касается, судя по всему, отношений евреев с Богом.

Может, поэтому (а не только потому, что был тогда молод, и вся жизнь была впереди) Сновский сказал Тощеву «то, чего не говорил никому и никогда: раз несколько я сожалел о том, что не остался на Севере, где прошел через лагеря».

Это — не формулируемое. Ощущение близости потустороннего.

Ермаково. Останки мертвой дороги. Экспедиция «Новой газеты» 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Вероятно, его, Сновского, выбрали такого — молодого и с патологической памятью. И он оставался дольше других и рассказывал.

Это был действительно Великий северный путь. Великий тем, как немыслимо **закончился**.

И, пожалуй, только личные отношения евреев с Богом могут объяснить то, почему ээки в итоге топорами рубили — по приказу! — новые валенки и сапоги, полушубки, юбки, сорочки, мебель, механизмы и инструменты. Подчас на глазах у местных — бедноты. Ликвидируя стройку, только на ермаковской базе снабжения списали и уничтожили, например, 13 260 бюстгальтеров, 5075 пар чулок, 11 тонн пудры и детской присыпки, 5 тонн медицинской ваты, много разной женской одежды, заготовок для детской обуви.

Нет, почему не вывезли — понятно: слишком дорого. Нерентабельно. Значит, уничтожить — чтобы не обвинили в растрате. Но больше это напоминало логику недавнего военного времени, отступления и тактику выжженной земли — чтобы противнику не досталось ничего. Но кто там выступил противником? К чему была эта спешка?

Какое-то просто библейское остервенение над всем, связанным с той дорогой и теми замыслами Сталина. Ничто там не могло пойти впрок и не пошло.

«Извините за натурализм»

Из писем Сновского в музей 2005 года:

— Я действительно был нарядчиком на 31-м ОЛП (Отдельный лагерный пункт) — см. «Акт списания дня по вине конвоя», переданный вам. После ШИЗО — оставил в зоне отдохнуть С.Я. Лапицкого (*его воспоминания ниже. — А. Т.*) — я стал бесконвойным возчиком и получил свободу передвижения. Хорошо помню, что около лагеря протекала какая-то речка, достаточно глубоководная, т.к. по ней буксир притянул баржу со сборно-щитовыми домами — мы их на лошадях вывозили. Кроме того, когда я был водовозом, я из проруби обеспечивал на пароконной повозке зону (баню, кухни) водой. Однажды я получил задание привезти слева от лагеря (стоя спиной к зоне, а лицом к ж/д) труп утонувшего вольнонаемного десятника Мишина, было это в километрах шести–десяти от нашего ОЛП. Я изрядно намучился, т.к. труп был велик, очень тяжел (намокшие брезент, плащ, ватные штаны и телогрейка), с трудом взвалил на спину коню, связав под брюхом голову с ногами (извините за натурализм).

А.А. Сновский. Архив Сновского. Фото: gulag.online.jpg

Когда в лагере (справа от нас) сгорела пекарня, я долго возил туда хлеб, огибая большое застывшее озеро. За эту опасную работу никто не брался, а я был молод и дурак. Наша пекарня перешла на две смены, ранним утром я подъезжал к пекарне, грузил, заворачивая в одеяла горячий хлеб. Привязав вожжи к руке, гнал коня, а сам бежал рядом, сесть не мог, т.к. вез 300 кг — берег коня. Привозил теплый хлеб! Вы бы видели лица з/к и слышали бы их благодарность в мой адрес! Назад садился в сани, завернувшись в «хлебные» одеяла, и ехал назад. Морозы стояли страшные, дни были активированные, у конбазы меня, закоченевшего, вынимали из задубевших одеял. Вот так я заработал свои 3,5 года зачетов!

<...> Хорошо помню паровозное депо (добротно отстроенное). Я в него возил удлиненные шпалы под стрелочные переводы и «шашку», которую делали в нашем ОЛП и укладывали на пол в

депо между и вокруг рельс. «Шашку» делали вручную: круглые спилы дерева по периметру обрубали топором, делая восьмигранник. <...> С картой сложнее: мне к ней очень трудно привязаться, т.к. я был лишь в старом, первом лагере на семь тысяч человек, а впритык за дощатым забором из горбыля была женская зона, с крыш наших бараков перекрикивались в жензону и перебрасывали «ксивы» (это, естественно, запрещали). И еще: из мужской зоны перебрасывали бутылочки с определенной жидкостью, с помощью которой бедные женщины надеялись стать «мамками» и избавиться от каторжного труда. Может, удавалось? Ведь беременные были, я сам шил разрывы, давал наркоз при абортах и ассистировал хирургу Богданову при эмбриотомии.

На вашем плане игарского лаггородка 1950 года (в правом углу, ниже старого лагеря) есть маленькая зона на три барака, полагаю, что это зона лазарета: 1-я терапия, 2-я терапия и хирургия. Могу ошибиться, т.к. не хватает кухни, кладовой, общежития услуги. (Следует длинный список докторов, медсестер и фельдшеров — «вот эти люди помогали выжить и лечили всю массу з/к 503 стройки + Ермаково».)

1.

110-120 тысяч на 30 тысяч эк
 в 1949-1950 году? Только в Игарке за 1 год (зима 1949-1950) погибло: (Авзонен Пятис?)

В лазарет: Воронцов (медсанитар)
 Незвестный (удар по плечу)
 Бельский (туберкулез)
 Бураковский (туберкулез)
 Губинский? (туберкулез)
 Гримачен (удар по плечу)
 Незвестный — — —
 Дневинский (удар по плечу)
 Незвестный — — —
 Соя (удар по плечу)
 Золотова (удар по плечу)
 Незвестный (Дисентерия)
 Незвестный (удар по плечу)
 Незвестный (удар по плечу)
 Незвестный (удар по плечу)
 Незвестный (удар по плечу)
 Незвестный (удар по плечу)
 Незвестный (удар по плечу)
 * Темп Х (туб.) в Миллионовских

Это лишь то, что известно мне по лазарету в Игарке на 30 эк (??)
 А по всей Игарке на 1 год?
~~...~~?

ар 131-10 жень
 130 — —
 135 Выводы * + Тилма-Несгалман
 орош 1950 случаи на медбуксе.
 + Незвестный (погиб при
 развороте крана)

Комментарии и замечания Сновского к первому игарскому сборнику. Фото: Электронный архив фонда Иофе

Вот все это вспомнилось после вашего фильма. Схему лаггородка увидел впервые — я в нем никогда не был, но в лазарет все время привозили больных и трупы из лаггородка и женской зоны — морг был у нас, и «списание» в присутствии следователя тоже у нас, а патологоанатомом был я.

<...> Благодаря фильму и сборнику я явственно побывал в Игарке, а я к ней трепетно отношусь — это моя молодость, мне было 20–27 лет, лагерь изменил всю последующую жизнь. Мечтал быть врачом, а прожил чужую жизнь учителем. Спасали дети, ведь я сорок лет проработал с больными детьми, они ко мне тянулись, а это грело и менее травмировало при жизненных невгодах.

«О разыгрываемой на двоих свободе»

Савелий Яковлевич Лапицкий (1924–2012) родился в Ленинграде. Фронтовик (механик в штурмовом авиаполку). Затем студент журфака в Ленинградском университете. Арест в конце 1948-го, приговорен к 10 годам лагерей и 5 лет — поражения в правах. 13 этапов, четыре тюрьмы, 5 лет лагерей за полярным кругом, стройка 503. Рисовал портреты зэков — цензор запретил из-за большого сходства.

— <...> Наитие в творчестве — обязательно.

В лагере был я на общих работах. Это значит — железнодорожная платформа песка на двоих. За восемь часов надо было разгрузить песок лопатами, сбросить его на насыпь. Мое ежедневное бессилие, неприспособленность к тяжелому труду землекопа — все это означало для меня неизбежный конец. Работа должна была съесть меня.

Я написал домой письмо, просил прислать посылку с готовальней, тушью, линейкой, угольником, бумагой — несколькими листами. Фантастический план освобождения задержался на четыре месяца, пока сказочная посылка наконец добралась на вахту моей зоны. Вахтеры были обескуражены ее содержанием: рейсфедер и циркуль — оружие или нет? После долгих препирательств решение было найдено: готовальню на ночь сдавать на вахту. Но, поскольку чертить я мог именно только ночью, то сдачу подозрительных железок перенесли на утро.

Ермаково. Экспедиция «Новой газеты» 2008 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Итак, я начал чертить проект саморазгружающейся железнодорожной платформы — думпкара. Проект был рассчитан на безмоторное самодвижение системой элементарных противовесов. Мой расчет саморазгрузки песка с платформы — в десять рабочих минут. Математический аппарат состоял из формул алгебры, геометрии и тригонометрии, чудом удержавшихся в моей памяти и хаотически написанных столбцами.

Мой житейский реальный расчет был элементарно прост: максимально проявить свои чертежные способности — где-нибудь за горизонтом проклятой тундры должно же быть какое-то управление этого безумного строительства еще более безумной железной дороги Салехард — Игарка. А в этом управлении должно оказаться чертежно-проектное конструкторское бюро или группа. И там — мое спасение от бессмысленного убийцы — труда землекопа.

Чертил ночами после разгрузок всю зиму. Начертил три листа общих видов, разрезов, вырывов, конструктивных узлов. Под названием «Саморазгружающийся думпкарь». На отдельном листе были выписаны чертежным почерком с наклоном в 75° все мои бредовые расчеты. Чертежи я свернул в рулончик, перевязал веревочкой и надписал почти как Ванька Жуков: «Начальнику стройки 503». На вахте мой рулончик приняли.

Добралась до нас весна. Растекался снег, тундра мокла, разлезалась и прогибалась под ногами, как насквозь промокший тюфяк.

Вместе с весной пришла весть из неведомого управления стойки:

— Лапицкий, с вещой на этап.

И солдат повел меня по раскисшей тундре в поселок Ермаково уже во второй раз. Еще за полкилометра до окраины жилья мой обостренный нюх учуял забытый запах борща.

Видимо, и конвойный пошел на этот манок. Борщ варился в маленькой избушке в два окна. Мы вошли, и я увидел заветные столы с чертежами, кальками, бумагами и папками. У обитателей рожки были отъевшиеся. Все они столпились вокруг меня и подвели к наклонной большой доске с наколотой на чертеж чистой калькой.

— А ну, изобретатель, давай копируй. Сможешь — считай, спасен. Не сможешь — мотай обратно грузить свой песок. Доставай свою готовальню.

Я наполнил свой рейсфедер тушью и склонился над калькой, не представляя, с какого угла начать копировать сложный чертеж, исполненный сухим твердым карандашом. Все по-прежнему стояли вокруг и следили за моими движениями.

Вдруг меня кто-то подтолкнул под правый локоть. Неизбежная предательская капля жирной туши стекла с рейсфедера и растеклась черным пауком по ярко освещенной масляно-желтоватой кальке.

И прежде чем я успел что-либо сообразить, механически наклонился к кальке и языком слизнул противную солоноватую тушь. Все захохотали, и я услышал за спиной:

— Молоток, наконец, настоящий специалист появился.

— А то недавно приводили зэчку, ей подложили волос под кальку, она скопировала и его.

Полгода я кантовался в проектном бюро. Затем режимники разогнали штаты — это повторялось каждые шесть месяцев. Но все же оказалось, что и в неволе можно какое-то время быть счастливым.

Письмо Павлу Дмитриевичу Кальницкому в Ермаково в период строительства дороги Салехард-Игарка. Фото: museum.memo.ru

<...> Начальники — не под копирку. Законов в лагере нет, а в произволе — порой — оказываются трещины.

Тащил я ствол дерева за комель из последних сил, падая и оседая в снег. Скрипела зима. Увидел издалека мои мучения начальник лагеря Петюня (так его однажды из-за зоны жена на обед кликала). Он походя спросил меня:

— Что, другой работы не нашел?

Я опешил. Наконец, предположил: наверное, где-то в списках запомнил, что я художник и корреспондент.

И правда, наутро на перекличке перед выходом на работу нарядчик оставил меня в зоне:

— А ну, мотыль, рви в больничку.

Прихожу. Сидит наш лепила Степан Крутой, на гитаре перебирает. На койках — доходяги, хуже меня, почти мертвяки. Крутой говорит:

— Раздевайся, ложись на койку. Петюня велел на месяц тебя покласть.

Невероятное произошло: месяц барской жизни спас меня от неминуемой гибели.

Наконец, вызывает Петюня:

— Вот, будешь писать лозунги. Краски какие-то тебе я наскреб. А кистей нет. Так что пойдешь в поселок Ермаково, там есть театр зэковский, разыщешь художника, проси кисти у него.

Повел меня вертухай в Ермаково. Шли полдня. Разыскали театральных зэков в каком-то бараке, среди них действительно оказался мой питерский земляк, художник Мариинки и Александринки — Дмитрий Владимирович Зеленков, потомок знаменитого в искусстве рода Лансере–Бенуа. Зеленков, сценический гений театра, был магом театра зэков в Игарке, а я застал его на общих работах в ЦРМ (центральных ремонтных мастерских). Он из рукава в рукав передал мне кисти. Зеленков спас мне жизнь, я навечно запомнил его какую-то аристократическую худобу, тонкие длинные пальцы. Потом услышал и нашел подтверждение в «Падших ангелах» Штильмарка, что Дмитрий Зеленков перед освобождением повесился в служебной уборной в Ермаково.

По дороге из Ермакова обратно мой сторож захотел пообедать. Обо мне и разговора не было: я довольствовался дневной пайкой, полученной утром. Оставив меня на вахте какой-то зоны, конвоир ушел и вернулся порозовевшим от еды и слегка

поддатым. Пошли в свой лагерь. Смотрю, мой вертухай захмелел настолько, что рыскает найти кочку, чтобы залечь. Винтовка затяжелела, из-за спины она перекочевала под мышку, из-под одной руки в другую. Несколько раз он внезапно останавливался и подолгу стоял, понурясь, качаясь и сгибаясь под тяжестью ненужного оружия. Я топтался рядом, маясь без дела, одолеваемый острым желанием бежать. Но куда? Вокруг — блюдо тундры, середина зимы, еще замерзший Енисей. И вышки зоны. В подсумке у моего дурака — десять патронов, в его карманах, может, и найдется еще пара-другая, да и то вряд ли. Еды никакой. Подстрелить его, подойти к какой-либо зоне, убрать попок с вышек... Но собрать патроны у убитых на вышках мне не успеть: выскочит вохра из казармы и вахты. И спустят собак, а это страшнее стрельбы и солдат: псы приучены хватать за зад — загрызут сворой. Смерть будет страшной и бесполезной. Газават одиночки — одно голодное воображение. Но ни сам себе, ни другие мне предательства не простят. Каждому будет казаться, что он на моем месте освободил бы весь Север.

Я подошел к бредущему солдату и отобрал у него винтовку. Он отдал, не сопротивляясь, — молча и безразлично. Пошли рядом: он, спотыкаясь и засыпая на ходу, и я, одолеваемый желаниями и страхом. Винтовка оказалась налитой уже забытой солдатской тяжестью.

Каждый шаг приближал меня к прежней неволе. Вокруг серело и сжималось. Тундра подступала ближе к нам. Холодало. Снег злобно поскрипывал. Мы приближались к колонне № 31, откуда вышли, не догадываясь о разыгрываемой на двоих свободе.

Вскоре я сдал часового и его винтовку на вахту, вернулся в зону.

И долго еще урки приходили в барак и молча рассматривали меня, не зная, что делать и что сказать. <...> («Художник России», газета Союза художников РФ, 28 февраля 1995 г., № 3

(37)).

Программки спектаклей крепостного театра. Дар Л. Юхина, игравшего в нем, игарскому музею

Ресурс человека — на полгода

Воспоминания, как понимаете, оставили те, кто увернулся от общих работ — от лесоповала или строительства дороги. Актеры, художники, лепилы (медики). Не крестьяне и рабочие. Воспоминания оставили те, кто выжил. И дотянул до перестройки. Интеллигенция живучей, несмотря ни на что. Образование или таланты позволяли занять в иерархии выживания место повыше.

Сновский — из поразительных исключений: студент-ветеринар, получив опыт лепилы и став фельдшером в Ермакове, он отпрашивался на общие работы: «Я мог быть все время «придурком», мог быть фельдшером, мог сидеть в нарядчиках. Собственно, через все это я и прошел. Но... Зачеты, зачеты — это

стало для меня целью, смыслом существования и выживания в лагере»...

Серго Ломинадзе (1926–2007), сын Виссариона Ломинадзе, первого секретаря ЦК КП (б) Грузии, закрайкома ВКП (б), члена ЦК ВКП (б), застрелившегося в предвидении ареста в 1935-м. Арестован в 1943-м, 10 лет ИТЛ. За год до смерти Сталина, 05.03.1952, освобожден без права выезда из поселка Ермаково. Работал вольнонаемным нормировщиком. В 1955-м переехал в Казахстан к матери, находившейся в ссылке. В 1957-м вернулся в Москву, работал газетах и журналах. Всю жизнь писал стихи («Работаю в толстом журнале, / Где дамы кричат, как в лесу. / Сижу, как кузнечик в пенале, / Исправную службу несусь. / А юность была легендарна. / Стелился над зоной туман, / Сурово темнела Игарка, / И тек Енисей в океан».) Данное свидетельство записано в Москве в 1998-м:

— Я в Ермаково заканчивал срок. Мы прибыли осенью 1949 года из Монголии этапом, целое наше отделение. В Монголии мы строили железную дорогу Улан-Батор — Наушки. <...> В Ермаково много зон было, лагпункт на лагпункте. Во-первых, мы построили весь этот поселок из довольно хороших брусчатых домов, так что это был как маленький «Париж» там в тайге. <...>

С.В. Ломинадзе (третий справа) с друзьями в квартире В.Руге, Ермаково, 1953 год. Фото: сборник «Стройка № 503»

Я был все-таки «придурком», так сказать, не на общих работах работал. На трассе мне не пришлось, к счастью, работать.

Кстати, на этой стройке было относительно неплохо, и вообще был там период такой года полтора, когда заключенным разрешали получать деньги за свою работу, т.е. им платили деньги (конечно, гораздо меньше, чем вольнонаемным, но все-таки). Рублей 100–150–200 получали. И в зоне были ларьки, они существовали до самого моего освобождения, но один период был, как у нас всегда бывает, когда там довольно много было всего. Там и масло можно было купить, и сахар, и другие продукты. А потом все меньше, меньше стали платить. Меньше ассортимент стал, более бедный в этих ларьках. Это, пожалуй, со второй половины 50-го года и весь 51-й — эти ларьки были большим подспорьем для ээков. Хотя бы там 100–200 граммов масла, но это было большое дело, и даже работяга мог купить себе что-то на эту зарплату. И одевали там, кстати говоря (наш лагпункт, во всяком случае), неплохо, причем не просто

«придурков», а всех работяг. Были полушубки довольно приличные.

Но что касается условий работы... Я-то был на штабной колонне, а это все-таки большая разница по сравнению с трассовой колонной. А на трассовой, допустим, те же нормы питания, те же нормы обмундирования и т.д., но там все равно людей выгоняют на работу, и работать там, на трассе, в условиях этого жестокого мороза — все равно человек больше полугода на общих работах не выдержит. Ну полгода, допустим, ну максимум год. Нет, пожалуй, даже и года не выйдет — просто невозможно! И поэтому тот, кто остался там жив, тот так или иначе как-то, видимо, кантовался. Т.е. либо попадал в лазарет, либо попадал в ОПП (оздоровительно-профилактический пункт) или устраивался куда-то в хозлагодобслужу (ХЛО).

Ермаково. Встреча нового 1953 года. Ссылные и вольнонаемные с начальством стройки. Фото: сборник «Стройка № 503» (из архива З.Д. Марченко)

Ну, в общем, жить и выдержать на общих работах на той стройке было тяжело, при всем том, что она не была такой — во всяком случае, по моему опыту, не была такой истребительной какой-то. Там даже были вполне приличные начальники лагпунктов. *(В рейтингах бесчеловечности 503-я стройка точно не лидировала, создатель Музея истории ГУЛАГа Антон Антонов-Овсеенко, в частности, прошедший лагеря ГУЛЖДС (Главуправление лагерей ж/д строительства) на трассе Котлас — Воркута: «зэк выдерживал на строительстве дорог, на трассе, в каменном карьере, на шахте, на лесоповале не более трех месяцев». — А. Т.)*

Позже, когда я уже вольным ездил по этим трассовым колоннам, то осознавал — это жуткая вещь, т.е. там просто невозможно выдержать.

<...> Была серия статей одного корреспондента, он, конечно, там неточности допустил, что вроде там могилы зэков в насыпи были. Это чушь, я думаю, ерунда. И вот некий Цвелодуб (то ли главный инженер, то ли специалист) выступил с опровержением. Он писал, что они там прекрасно жили, эти заключенные, мы так о них заботились, что там вообще были такие условия — ну просто рай земной. Так рай был для этих вольнонаемных. Действительно, они получали там огромные оклады. Я сам потом, будучи уже вольнонаемным нормировщиком, получал прилично. Позже я поехал к матери, в ссылку, так я получал 600 рублей там в Казахстане. А тут, в Ермаково, я за меньшую работу в качестве нормировщика получал около двух тысяч, понимаете? С учетом надбавок, конечно, да еще одно время и северный паек сухой давали (потом, правда, его отменили, но льготы тем не менее были).

<...> Но и тут была жуть тоже, между прочим, нигде такой за весь мой срок не видывал. Там была война сук с ворьем — это было страшное дело, и я столкнулся с этим там впервые. <...>

В Ермаково контингент был, конечно, разный. У нас, например, было больше 58-й, потому что много прибалтов было. Из Литвы — просто бесконечное количество; я помню, как писал эти рабочие сведения: сын Ионаса, сын Пранаса, 58-1а, 15 лет, 20 лет, 25 лет... Из Латвии было там до черта, эстонцев намного меньше.

<...> Создалась в зоне ситуация, когда должна была возникнуть какая-то резня, и она-таки возникла. Но в тот день мне повезло, потому что я выходил за зону и у старшего прораба вольнонаемного задержался. Я относил разнарядку на конвой. Старший прораб был человек хороший, вольнонаемный, бывший ссыльный. Он жил недалеко от зоны, метрах в ста, у него была жена такая приятная, трое детей — прямо ангелочки какие-то. И вот я у него сидел дома, мы слушали «Голос Америки». Возвращаюсь в зону, смотрю — у вахты сидит человек с отрубленным ухом. Там, оказывается, была резня уже, и мои приятели, мои друзья резались с ворами. И вот этому, которого я на вахте видел, кто-то ухо и отрезал в драке. Воры напали на моих друзей. <...> В общем, мы победили, так сказать, этих блатных, но это была неприятная история.

«Блатной вернулся один»

Один из очень немногих, кто выжил на общих работах и потом что-то еще и рассказал, — Алексей Павлович Салангин. Не артист, не нормировщик — обычный работяга, правда, все же не из трассовых колон, весь срок в самом Ермаково. Когда он умер (родился в 1927-м), неизвестно, я его видел в Игарке в 1996-м, он уже тогда был плох, память отказывала, знакомых не узнавал, а родных, похоже, никого и не было. Жена умерла в 1993-м. Тогда же, 15 февраля 1993-го, музейщики успели **записать**, что он помнил. Небольшой отрывок:

— Работаю в детском саду, помогаю, чем могу. Пенсия 4 тысячи рублей, сейчас на нее много не купишь. Вспоминаю последние

годы в Ермаково в лагерях: мы жили лучше, чем сейчас пенсионеры.

А.П. Салангин. Фото: сборник «Стройка № 503»

Не нужны такие стройки никому. Сколько людей погибло на них. Были у лагерей кладбища. К ноге бирка привязывалась, хоронили из морга. А поверх ничего не писали — кто там захоронен. Но хоронили не всех. Бывало, в лес идем, сколотим брус и тащим на себе. В лесу, когда идешь: то убитый, то застреленный (лежит). Самоохранники были из числа зэков, они шестерок, других неудобных пристреливали, к дереву привязывали. Шестерки — те, кто угождал блатным.

Побеги были редкими. Был у нас нарядчик (тот, кто разводит на работы), его фамилия Алимов. Штурманом дальнего плавания был. Хорошо ориентировался. Убежал вместе с блатным. Вернулся блатной один. Где, говорят, второй? Я его съел. За

людоедство расстреляли.

На голубятнях (вышки) сидели самоохранники. Разные были. Как-то один сунул руку в запретку за ковшом с водой — его застрелили. А ему до срока осталось два-три месяца.

СССР
МИНИСТЕРСТВО Юстиции
Центральное управление лагерей
«25» января 1955 г.

Форма «А»
ВИДОМ ЧА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПОСЛЕ УТЕРИ НЕ ВОЗБНОВЛЯЕТСЯ

44

I-БВ

СПРАВКА № 0010878

Выдана гражданину Сновскому
Александровичу Александровичу
1928 года рождения урожен. г. Ленинград

гражданство СССР национальность еврей
осужденно ИТК Александровичу каменоломни по
указу Президиума Верховного Совета
«3» мая 1944 по ст.ст. 179, 180, 181, 182, 183, 184
к лишению свободы на 10 лет поражением в правах на 5 года,
имеюще в прошлом судимость не судим

в том, что он отбывал наказание в местах заключения по
«25» января 1955 г. и по указу Президиума
Верховного Совета от 17.7.1955 г.

С применением указа от 14.11.54 г. об
условно-досрочном освобождении

Освобожден «25» января 1955 г. и следует к избранному
месту жительства г. Луга
(город, село, деревня, район, область) Ленинградская область

ж. д. д. Луга

Начальник лагеря (ИТК) Иван
Начальник отдела (части) Иван

Справка об освобождении Сновского. Его личный архив. Фото: gulag.online

Послесловие

Сновский:

— Однажды, в конце 60-х, меня вызывают в прокуратуру, но не в прокуратуру по надзорам, а в действующую. Я иду. «Черт, — думаю, — опять с вещами, что ли?» Прихожу. Прокурор Досугов. Открываю дверь, за столом невысокий человек, напротив него, в кресле, сжавшись, сидит мой стукач Николай Михайлович Смирнов, который меня сдал в КГБ. Живой.

— Садитесь, Александр Альбертович, — говорит прокурор, — вы реабилитированы, вы имеете право подать на Николая Михайловича Смирнова заявление (не помню дословно) в части клеветы. Он вас оклеветал. Но я должен вас предупредить, что делу никакой ход не будет дан за давностью срока — 10 лет. Вы будете подавать?

— Нет, — говорю, — я подавать не буду.

Но опять же, я 58-10 — «болтун», ничего не поделаешь... В КГБ тогда ляпнул, когда арестовали, — «гестапо». Я говорю: «Эка, как тебя подтянуло. Ну, милый, да ты совсем никуда. А я, смотри-ка, ничего еще. А ты ж куда меня определил? Ты ж меня на смерть определил. А ты-то вон какой: и сморщенный, и гнилозубый-то весь». К прокурору обращаюсь: «Я ничего подавать не буду. Сдохнет сам». Тогда прокурор говорит: «Александр Альбертович, я отношусь к вам с большим уважением. Пожалуйста, не разуверяйте меня в этом моем отношении к вам». Тому говорит: «Вы свободны». Тот, скорчившись, уходит.

Прокурор тогда у меня спрашивает: «Как у вас на работе? Как дела? Нужна ли какая-то помощь?» Ему ж надо было меня задержать, чтоб я с тем не встретился...

Вот так я увидел его второй раз. Он умер, его нет в живых. Из института его уволили. Как я понимаю, хоть и не стоит о стукачах говорить, но все-таки поговорим еще. Поименно их бы тоже надо вспомнить. Вот никто этим не занялся.

Он был студентом 3-го курса. Я полагаю, что у него было какое-то бытовое преступление. И его в таких случаях взяли на крючок: «Или посадим года на два — на три, или...» Я ж у него дома бывал, маму помню — Екатерина Михайловна, милая женщина. Его отправили матросом на грузовом пароходе «Дмитрий Донской» за границу. Когда меня арестовали, я узнал, что он сдал троих матросов. За антисоветские разговоры. Один

сошел с ума. <...>

Потом я узнал, что он действительно ... (умер). Да... Ну не стоит больше о нем говорить.

* Является одним из коллективных членов Международного «Мемориала», признанного «иноагентом» и ликвидированного.